

МНОГООБРАЗИЕ МОДЕРНОВ: PRO ET CONTRA
(Сводный реферат)

ЭЙЗЕНШТАДТ Ш.
Множественные модерны

Eisenstadt S.N.
Multiple modernities // Daedalus. – Cambridge, MA, 2000, Vol. 129,
N 1. – P. 1–29.

ШВИНН Т.
Многообразие модернов:
Конкурирующие тезисы и открытые вопросы

Schwinn T.
Multiple Modernities: Konkurrierende Thesen und offene Fragen. Ein
Literaturbericht in konstruktiver Absicht // Ztschr. fur Soziologie. –
Stuttgart, 2009. – Jg. 38, H. 6. – S. 454–476.

ШМИДТ Ф.
Модерн и разнообразие: Размышления на тему противоречий
между теорией модернизации и сторонниками
множественных модернов

Schmidt V.H.
Modernity and diversity: reflections on the controversy between
modernization theory and multiple modernists // Social science
information. – Paris, 2010. – Vol. 49, N 4. – P. 511–538.

В статьях трех известных зарубежных ученых обсуждаются возможности различных концепций и подходов к исследованию современности, в том числе популярной теории множественных модернов.

Шмуэль Ной Эйзенштадт (1923–2010) – профессор социологии Еврейского университета в Иерусалиме. Основная область его научных интересов – сравнительное исследование цивилизаций Запада и Востока в контексте перехода от традиционных обществ к модерну. В своей статье «Множественные модерны» он обосновывает соответствующую концепцию. Понятие «множественные модерны» отражает определенный взгляд на современный мир, идущий вразрез с классическими теориями модернизации 1950-х годов, которые долгое время превалировали в научном дискурсе. С точки зрения классических теорий культурная программа современности, представленная в Европе, и ее основные институциональные констелляции должны распространиться по всему миру. В реальности, пишет Эйзенштадт, мы являемся свидетелями провала этих теорий, поскольку модернизационные процессы в различных обществах опровергают идею гегемонии программы вестернизации. По мере развития процесса модернизации становилось понятным, что общества развиваются по своим законам, исходя из различных культурных моделей, традиций и собственного исторического опыта.

Идея множественных модернов предполагает, что лучший способ понять и объяснить современный мир – это посмотреть на него как на историю переплетения различных культурных программ. Один из основных выводов теории множественных модернов – модернизация и вестернизация не являются синонимами.

Культурная и политическая программа модерна, впервые возникшего в Западной и Центральной Европе, была обусловлена определенными идеологическими и институциональными предпосылками. Важнейшей культурной предпосылкой был сдвиг в понимании человеческого фактора и его места в течении времени. Этот сдвиг породил понимание модернизации как множества вероятностей, реализуемых автономными акторами. Таким образом, идея о нерушимости социально-политического строя и его легитимизации оказалась несостоятельной.

Центральным пунктом культурной программы модерна был акцент на автономии человека, понимаемой как освобождение от оков традиционной политической и культурной власти. Этот процесс влечет за собой участие членов общества в создании социального и политического порядка.

Программа модерна предполагает радикальную трансформацию понимания политического порядка и характеристик политического процесса. Центральной идеей модерна был слом традиционных оснований легитимации политического порядка и признание существования различных возможностей для конструирования нового порядка. Это положение отразилось в идеях протеста и интеллектуального противостояния. Темы и символы протеста, такие как равенство и свобода, справедливость и автономия, солидарность и идентичность, стали центральными компонентами проекта освобождения человека.

Политическая программа модерна принесла с собой три основных изменения политического процесса: 1) реструктуризацию отношений «центр – периферия», являющихся основой политической динамики современных обществ; 2) политизацию требований различных слоев общества, а также конфликтов между ними; 3) непрерывную борьбу за дефиниции в политической области. Только с приходом модерна мы можем говорить о появлении открытой политической конкуренции и борьбы.

Модерн предложил иной способ конструирования границ коллективности и коллективных идентичностей. Появились новые определения базовых компонентов коллективных идентичностей, в которых прослеживалась тенденция их сведения к гражданскому аспекту.

Появившаяся на Западе цивилизация модерна с самого начала была погружена во внутренние противоречия и конфликты. Говоря современными терминами, это были противоречия между контролем и автономией, между дисциплиной и свободой. Возможно, наиболее значимым противоречием была разница во взглядах на возможность сосуществования отличающихся друг от друга ценностей и рациональностей – конфликт между плюрализмом и универсализмом.

Это противоречие было тесно связано с различными способами легитимизации современных режимов: с одной стороны, проце-

дурная легитимизация как гражданская приверженность правилам игры, с другой – легитимизация, основанная на исконных, «сакральных», религиозно-идеологических основаниях.

Одновременно развивались противоречия вокруг коллективных идентичностей, порожденные появлением новых политических акторов – гражданских движений. Наиболее значимыми движениями, появившимися с XIX в. до середины XX в., являются либеральные, социалистические или коммунистические движения. За ними последовали основанные на националистических предрасудках фашистские и национал-социалистические. Самые успешные из этих движений кристаллизировались в характерные идеологические и институциональные паттерны, которые стали идентифицироваться с определенным государством или нацией (как было в случае с революционной Францией или Советской Россией), но все они получали распространение далеко за пределами национальных границ.

Основанием для разногласий между социальными акторами служили полярные взгляды на культурную и политическую программу модерна. Противоречия возникали по поводу степени гомогенизации современных сообществ и отношения к плюралистским и универсалистским ориентациям.

Подобные расхождения проявлялись во всех современных обществах и государствах: сначала в Европе, затем в Америке, потом во всем мире. Они имели огромное значение для современных обществ, определяя отношения между государством и гражданским обществом и модели коллективных идентичностей.

В 20–30-х годах XX в. в Европе возникли первые альтернативные типы модерна – коммунистический советский тип и фашистский национал-социалистический. Эти альтернативы существовали в рамках культурной программы модерна, Просвещения и революции. Их критика программы современного капиталистического общества вращалась вокруг концепции несовершенства существующих программ модерна. Они отрицали универсалистские компоненты культурной программы модерна и предлагали национальные границы коллективных идентичностей.

Не менее важным конфликтом модерна была конфронтация между «традиционными» секторами общества и так называемыми современными центрами, развивающимися внутри них. Этот кон-

фликт можно обозначить как напряжение между двумя культурами: современной «рациональной» моделью Просвещения и моделями, отражающими «аутентичные» традиции общества. Это напряжение получило дальнейшее развитие как конфликт между космополитизмом и локальностью. Впервые эти темы возникли в Европе, затем – в Америке, Азии и Африке.

Первая радикальная трансформация культурного и политического порядка произошла в связи с экспансией модерна на американский континент. Там возникла особая современность, отражающая новые институциональные шаблоны, создающая свои собственные концепции и новые формы коллективного сознания. Говоря об Америке, Эйзенштадт отмечает, что множественные модерны появились не в Азии и Африке, а в рамках самой западной цивилизации, разделив не только Европу и американский континент, но и саму Америку на Соединенные Штаты и Латинскую Америку.

Модерн продвигался в первую очередь за счет военного и экономического империализма и колониализма, влияя на экономические, военные и коммуникационные технологии. Модерн двигался с Запада в сторону азиатских стран, таких как Япония, Индия, Бирма, Шри-Ланка, Вьетнам, Камбоджа, Малайзия, Лаос, Индонезия, затем на Ближний Восток и, наконец, в Африку. К концу XX в. он охватил практически весь мир, породив первую волну глобализации.

С одной стороны, внедрение дискурса модерна и его институциональных форм среди незападных обществ подрывало институциональные основы этих стран. Но с другой – многие компоненты модерна выборочно отвергались, особенно это касалось коллективных идентичностей и религиозных тем. Таким образом, отмечает Эйзенштадт, процесс присвоения и принятия незападными обществами идей и институциональных паттернов модерна сопровождался их постоянным отбором и переосмыслением. Это привело к возникновению новых идеологий и институциональных паттернов, новых культурных и политических программ, которые отражали конфликт между идеями модерна и исторически сложившимися традициями.

Столкновение модерна с незападными странами привело к далеко идущим трансформациям самого модерна, к новым проблемам и последствиям. С другой стороны, всеобщая глобализация по-

служила причиной драматических изменений институциональных, символических и идеологических контуров современных государств. Сегодня государство частично теряет свою монополию на внутреннее и международное насилие в пользу местных и международных групп сепаратистов или террористов. Позиция государства как харизматичного центра культурной программы модерна и коллективной идентичности ослабевает. Появляются новые политические, социальные и цивилизационные теории, новые представления о коллективных идентичностях, авторами которых являются различные социальные движения, бросающие вызов классическому государству и его программе модерна.

Первые такие движения, зародившиеся в большинстве западных стран в конце 60-х – начале 70-х годов, были тесно связаны со студенческими протестами и движениями против войны во Вьетнаме. Если раньше движения фокусировали свое внимание на государстве или разрешении макроэкономических конфликтов, то теперь – на построении новых автономных социальных, политических и культурных пространств. Немного позднее возникли фундаменталистские движения в рамках мусульманских, еврейских и протестантских сообществ; во многих государствах они заняли значимые позиции. Еще один тип новых движений, возникших в конце XX в., можно обозначить как этнические. Изначально возникнув на территории бывших советских республик, они распространились на Африку и на Балканы.

Эти движения оспаривали гегемонию гомогенных проектов, утверждая свое автономное место в образовании, сфере коммуникации, средствах массовой информации. В своей борьбе эти социальные движения выходили за рамки модели национального государства и вступали в альянсы с транснациональными организациями.

Эти явления привели к декомпозиции изначальной модели модерна, трансформации основных структурных характеристик, ослаблению идеологической гегемонии национального государства, возникновению нескольких центров модерна (Запад и Восток), борющихся за сферы влияния в глобализирующемся мире.

Эйзенштадт задается вопросом: означают ли все эти процессы «конец истории» и конец программы модерна? По мнению Эйзенштадта, тщательный анализ этих движений выявляет более сложную картину – новые движения и их программы являются неотъ-

емлемой частью политической повестки модерна; они не уходят от базовых программ модерна, а реформируют их в новом историческом контексте.

Возвращаясь к вопросу о «конце истории», Эйзенштадт отмечает, что мы очевидно являемся свидетелями постоянного переосмысления культурной программы модерна, конструирования множественных модернов, попыток переоценить дискурс модерна в интересах различных групп и движений. В то же время происходит передислокация главных сцен борьбы за новые формы модерна — вместо традиционных площадок, предоставляемых национальными государствами, появляются новые арены, на которых взаимодействуют различные движения и общества.

Мало того что появляются новые модерны, возникают новые дискуссии и новые интерпретации основных измерений модерна. Гомогенная доминирующая версия модерна образца 1950-х годов уходит в прошлое.

Автор другой статьи, посвященной многообразию модернов, Томас Швинн (Институт социологии Гейдельбергского университета, Германия) выявляет тенденции анализа современности в научной литературе.

Он подчеркивает, что, с одной стороны, социальную аналитику последнего времени отличает усилившееся с начала 1990-х годов стремление теоретиков глобализации подчеркнуть нарастающее единообразие социальных отношений (конвергенция, макдоналдизация, «конец истории»). С другой стороны, в противоположных подходах акцентируются черты дивергентного развития обществ (С. Хантингтон, П. Херст, Г. Томпсон). Есть также модели рассмотрения социоструктурных изменений, нацеленные на объединение позиций (гибридизация, «глокализация»).

Проблематичность определений современности и связанная с ней потребность в привлечении материала из разных предметных областей и дисциплин делает «необозримым» исследовательское поле. Существующие общие теории не в состоянии уловить логику связи локальных образцов развития с глобальным контекстом. Это слабое звено обнаруживается прежде всего в мир-системных подходах. Так, Дж. Майер в своей теории мирового общества относит к доминантным признакам модерна сближение ценностей и институтов. Дивергенцию он объясняет отчасти несоответствием (mis-

match) между транснациональными ценностями и институциональными копиями, отчасти – отсутствующими региональными возможностями и ресурсами для общественного обновления. Между тем результаты новейших исследований, ориентированных на его гипотезу, подводят к другим выводам. Национальный и культурный выбор нельзя объяснять дефицитом или несоответствием, но самобытностью жизненного выражения, которое нельзя измерять одной общепринятой моделью.

Билефельдская системная теория мирового общества (Н. Луман, Р. Штихвей) также не уделяет адекватного теоретического внимания региональным различиям, сопоставляя их преимущественно с точки зрения полноты функциональной дифференциации глобальной базовых структур.

Более плодотворную стратегию изучения многообразных форм современности, по мнению автора, предоставляет модель множественности модернов Ш. Эйзенштадта и его единомышленников. В отличие от мир-системных трактовок развития как в конечном итоге тиражирования западных образцов модернизации в различных регионах планеты, она нацеливает на осмысление самооценности путей общественного обновления, на расширение рамок восприятия модерна.

Сторонникам данного подхода обычно ставится в вину нечеткость критериев определения современности (Modernität). Разные типы обществ они относят к одной эволюционной ступени, а не к отдельным, часто противостоящим друг другу фазам. Но, по Эйзенштадту, модерн является ступенью развития, допускающей альтернативы, ни одна из которых не реализует всех заложенных в нем возможностей, и только при сопоставлении можно оценить их в полном объеме. Исследования, проводимые в этом направлении, учитывают уникальную историческую преемственность каждого региона, накладывающую отпечаток на облик современности. Однако упрек критиков справедлив в том отношении, что данный подход не раскрывает специфику перехода к модерну.

В поиске решения этой непростой задачи полезно, полагает Швинн, вернуться к постановке М. Вебером проблемы единства и многообразия в его религиозно-социологических штудиях. Аксиологическое ядро в них образует антитеза трансцендентного и посюстороннего измерений. Мировые религии предлагали различные

пути преодоления разрыва между ними, существенно повлиявшие на социальную практику тех стран и регионов, где они укоренились. Центр напряжения, по Веберу, располагается между устойчивостью требований аксиологической сферы и стремлением к ослаблению их давления. Любые ценностные критерии – в политике, религии, экономике, науке – постепенно методологизируются, и это ведет к рассогласованию отношений и общественным диссонансам. Вебер работал с конфликтной моделью модерна. Ее специфика состоит не в четко обозначенной совокупности идей и институтов, но в интенсивности противоречий между ценностными сферами, требующими истолкования и порождающими варианты институционализации.

Итак, многообразие модернов обусловлено их принципиальной содержательной неустойчивостью и динамичностью. Варианты развития, конечно, требуют уточнения, но проблема состоит в том, что существующие теоретические исследования едва ли могут предложить нечто большее, чем иллюстрации. В настоящее время исследовательская программа модерна анонсирует:

1) установление различий в уровне дифференциации между модернизирующимися обществами и обществами модерна;

2) определение степени, при которой институциональные арены, как автономные, т.е. регулирующие по собственным правилам или ценностям, варьируют между обществами и между различными историческими периодами развития одного и того же общества;

3) выявление способа, каким определялись различные структуры и регулировались результирующие конфликты, – например индустриальный конфликт.

Эту рабочую программу желательно расширить и детально разработать для систематической экспликации типов модерна и прояснения следующих открытых вопросов.

- Как определить тип модерна?
- Какую роль играет культура в генезисе и актуальном состоянии модерна?
- Что считать адекватными единицами анализа?

Только при ответе на эти вопросы будут правомерны эвристические притязания данной программы. Сегодня исследованиям версий капитализма, демократии, системы образования, религиоз-

ной формы и пр. недостает общей синтезирующей макросоциологической перспективы, нацеленности на содержательную взаимосвязь, как ее декларировала прежняя теория модернизации.

Сравнительные исследования капитализма, продолжает свой обзор Швинн, приводят к заключению, что установка на конвергенцию или взаимозависимость большинства институциональных областей как условий становления общей системы функционально неубедительна. Тезис о том, что повсюду находятся аналогичные институциональные решения и что все страны и регионы движутся в направлении одного наилучшего образца современного общества, не имеет достаточной доказательной базы. Некоторые области могут даже лучше развиваться без заимствования дополнительных институтов. Китайская экономика, например, быстро развивалась в последние десятилетия, но не потому, что она «не препятствовала» формированию демократических институтов. Какие-то отличия региональных условий жизни могут представляться более успешными с точки зрения критериев и шкал измерения модерности, такие как валовой национальный продукт, уровень образования, число нобелевских лауреатов, и пр. Но никакое устройство не содержит в себе всех преимуществ и не может принципиально определять сущность современности, что хорошо показывают сравнительные институциональные исследования. Если процесс институционализации обязан движению идей и интересов акторов, то устанавливается специфическая взаимозависимость, а не общая нейтральная к контексту интеграция. В этом смысле примечательна популярность в последние годы концепции «тропы зависимости» (*Pfadabhängigkeit* / *path dependency*), придающей значение контингентным процессам и выражающей скепсис относительно общих закономерностей.

Тезис взаимозависимости, как и тезис конвергенции, согласно которому современные институты редуцируются к технически-инструментальному аспекту, к всепроникающей силе формальной рациональности в ходе модернизации, создающей необходимые для нее ориентиры и мотивы из себя самой, контрастирует с программой многообразия модернов. В ней подчеркивается связь структурного развития с культурными особенностями. Чтобы адекватно оценить воздействие культуры на развитие современности, необходимо рассмотреть разные плоскости и аспекты. Так, при-

стальное внимание социологи уделяют сегодня переосмыслению роли религии в модерне. Исследования в сфере хозяйственной этики констатируют неуклонное падение влияния религиозных элит на этом поле. В идейной позиции сегодняшних религиозных элит доминирует реактивный компенсаторный образец домодерновых форм общности и патриархальных авторитарных структур.

Согласно Эйзенштадту, обусловленность многообразия форм модернизации культурными традициями следует понимать как развертывание потенциала культурной грамматики в осевом времени культур, последствия которого дают о себе знать и в современности и которое не может быть сведено к активизму нынешних религиозных деятелей. Культурное наследие сопутствует историческому движению страны или региона и сохраняет действенность, несмотря на сокращение числа прихожан в сегодняшней церкви.

Таким образом, конституция системных частей обществ и их границ в большой мере зависит от семантик прошлого. Многие западные ценности исторически возникали до модернизации и не были ее следствием, например, формы солидарности, не скованной кровнородственными узами, или питаемый многими идеальными источниками западный индивидуализм. Институты современности имеют предпосылки, которые сами они не создавали, а их социальный и культурный дизайн определяется тем, как они «функционируют» и что понимается под «эффективностью».

Доводы в пользу методологической перспективности концепта множественности модернов автор находит также в работах, посвященных проблемам глобализации. Постколониальные исследования ставят под сомнение особую значимость западного опыта в мировой истории. Даже в рассуждениях о догоняющей модернизации подчеркнута роль неевропейских регионов. В реляционном описании мировой истории, которому отдают предпочтение ряд ученых-историков, Европа не только утрачивает актуальную монополию на модернизацию, но возникает мысль, что она и в прошлом никогда ее длительно не удерживала. Одним словом, история модерна мультицентрична.

Тем не менее концепция множественности модернов продолжает сталкиваться с критикой. Так, например, полемизирующий с ней С. Рандерия настаивает, что модерна во множественном

числе, как четко очерченного единства, не существовало прежде и не существует сегодня. Противопоставление европейских, китайских индийских или других якобы особых форм современности возникает из расщепления и эссенциализации культурных различий. При этом упускаются из виду их многосторонние связи. Рандериа предлагает заменить модель альтернативных или параллельных модернов моделью их взаимопроникновения в ходе общей истории.

Систематизируя предлагаемые в научной литературе новые теоретические разработки данной темы, автор выделяет три наиболее четко выраженные позиции.

1. Генетическо-реляционная множественность модерна / модерностей в рамках всемирной истории.

2. Тезис Эйзенштадта о сингулярной европейской причине модерна, потенциале его расширения и вовлечения других культур.

3. Тезис Р. Коллинза о множественных, не связанных друг с другом и с опытом Европы и Америки модернизационных рывках, в особенности Японии и Китая.

Как оценивать эти контroversы – задается вопросом автор. Только первая всерьез ставит под сомнение тезис о многообразии модернов. Явное главенство внешних факторов в реляционном описании мировой истории ведет к снижению значения внутренних факторов. В этом отношении примечательно мнение В. Кнёбля, согласно которому понятия «трансфер», «связь» и «запутанность» слишком расплывчаты. Для получения достоверных знаний о степени влияния внутренних и внешних факторов нужны специальные сравнительные исследования по истории трансферов. В конечном счете предлагаемое описание мировой истории сопоставимо с идеолого-критическим аргументом. Следуя его логике, мультицентричный взгляд на генезис модерна воспроизводит обратную проекцию современности в соответствии с запросом угнетенных на солидарное отстаивание их прав. Такая точка зрения, однако, ведет к искаженному видению исторического процесса, поскольку повсюду усматривает одни и те же социальные и культурные источники перехода к модерну.

Исследовательская программа многообразия модернов позволяет, считает автор, избежать ошибок теории модернизации и рассматривать развитие с точки зрения внутренней логики обще-

ственных событий. «Глобальность», таким образом, структурно предстает в виде арены, на которой взаимодействуют акторы, руководствующиеся своими интересами. Альтернативы модерна определяются не мир-системными сцеплениями, но реализацией деятельности потенциала в соответствии со структурными требованиями. На высокий уровень модернизации одних регионов и стран реагируют при посредничестве своих элит другие страны и регионы. Их реакция и институциональные стратегии варьируются в зависимости от культурных образцов мышления, материальных ресурсов и исторических констелляций. Поскольку в моделировании референтных обществ редко учитываются локальные условия, при заимствовании эталонной практики необходимы ее переосмысление, креативность, поиски новых путей. Скопировать организационные формы институтов гораздо легче, чем уловить их дух. В этом, по-видимому, кроется причина множества трактовок современности и ее причудливой динамики.

Итак, многообразие модернов вполне совместимо с общностью мировой истории. Как глобальная арена постоянной взаимосвязи модерн не ведет с необходимостью к конвергентному развитию. Исследования показывают, что «запаздывающие» по разным основаниям общества не могут просто повторять инновационный опыт «впереди идущих». Всякий новый поворот модернизации вызывает конкуренцию и стремление догнать.

При всем обилии теоретического конструирования, вопрос о типах модерна отнюдь не академический, убежден автор. В нем содержатся нормативные и политические импликации, которые могут быть плодотворно развернуты при обсуждении, например, такой сугубо практической и острой проблемы, как вступление Турции в ЕС. Хотя многие эмпирические индикаторы указывают на большие расхождения между Турцией и Европой, ответы на вопрос о возможности ее вхождения в состав Европейского союза различаются в зависимости от интерпретации понятия «современность». Те, кто считает, что культурные стандарты естественным образом следуют за экспортом структур европейского образца, отвечают скорее утвердительно: «Еще нет, но скоро». Культурно ориентированные противники присоединения, наоборот, не видят в аграрном пути развития этой страны исторических аналогий с характерными этапами становления европейского мира. С одной

стороны, отмечают они, отсутствует понимание того, как вековые традиции культурного уклада отражаются на современных социальных отношениях. С другой стороны, остается также неясным, куда в конце концов ведет турецкая модернизация. На взгляд автора, и структурные, и культурологические фигуры аргументации бьют мимо цели. Взвешенный ответ на вопрос «Примыкает ли Турция к Европе?» можно вернее всего найти с помощью модели многообразия модернов, обогащенной гибким аналитическим инструментарием культурного измерения. Она позволяет определить тип модернизации в перспективе возможных изменений.

При дальнейшей разработке темы современности, заключает свою статью Томас Швинн, необходимо совместить проекции анализа глобальных и специфически региональных тенденций структурных преобразований.

Автор третьей статьи, Фолькер Шмидт, профессор факультета социологии в Национальном университете Сингапура (ранее преподавал в университетах Мангейма и Бремена), сравнивает теории модернизации и множественных модернов.

Он отмечает, что концепция множественных модернов разрабатывалась для понимания различий между современными обществами, тогда как теории модернизации акцентируют свое внимание на их сходстве. Шмидт задается вопросами: являются ли конвергенция и дивергенция взаимоисключающими феноменами? Могут ли общества быть похожими по одним параметрам и отличаться по другим? Можно ли выделить общие черты развития регионов и культурных зон, существующие параллельно с другими аспектами их социальной жизни, которые демонстрируют устойчивость к процессу гомогенизации?

В данной статье утверждается, что спор между теориями модернизации и множественных модернов не может быть разрешен в рамках «или – или», поскольку в любых двух обществах можно найти как общие, так и различные черты. Далее Шмидт проводит анализ исходных посылок и концепций двух теорий.

Во второй части статьи Шмидт исследует значение понятия «конвергенция» в рамках теории модернизации, утверждая, что она предоставляет широкие возможности для интерпретации.

Модерн является важным концептом в социологии. Общество модерна радикально отличается от более ранних режимов социаль-

ной организации. С точки зрения классиков социологии, модернизация, приводящая к модерну, – это взаимосвязанные процессы структурной дифференциации, культурной рационализации и персональной индивидуализации. Социальные изменения носят эндемический характер, благоприятствуя институтами, которые адаптируются к этим изменениям и стимулируют их дальнейшее развитие.

Сторонники теории множественных модернов отвергают такой подход, полагая, что он не способен охватить социальное, политическое и культурное разнообразие современной эпохи, которое может быть объяснено только с помощью понятия множественных модернов.

Таким образом, ключевой темой для дискуссии является вопрос, становится ли модернизация процессом гомогенизации, ведущим к конвергенции обществ.

В рамках теории модернизации конвергенция происходит, когда состояние обществ отвечает двум основным условиям. Во-первых, общества должны двигаться в сторону создания набора ключевых институтов, необходимых для модерна, и во-вторых, они должны заставить эти институты выполнять свои функции в соответствии с установленными целями, а не просто быть «фасадами». Ни одно из этих условий не требует, чтобы переживающие модернизацию страны становились такими же, как пионеры модерна, или копией США, а именно такой упрек звучит со стороны критиков.

Тем не менее пионеры неизбежно служат образцом и стимулом для последователей, которые не могут игнорировать опыт предшественников. Кроме того, США и другие западные страны привлекательны в качестве моделей модерна именно потому, что они уже добились успеха. И условием успеха является создание структуры общества, похожей на западную.

Обосновывая широкую трактовку конвергенции в рамках теории модернизации, Шмидт полемизирует со сторонником концепции множественных модернов Ш. Эйзенштадтом. Утверждая, что теория модернизации может легко вместить в себя множество вариаций, Шмидт рассматривает значительное число разнообразий, значимых для теории модернизации и отвергаемых апологетами парадигмы множественных модернов.

Критикуя эту парадигму, Шмидт отмечает ее явную направленность против теории модернизации, против концепции конвер-

генции индустриальных обществ, распространенной в 1950-х годах. По мнению Эйзенштадта, эта концепция должна быть отклонена, потому что фактические изменения в модернизирующихся обществах опровергли предположения о гомогенизации по западной программе модерна.

В качестве примера Эйзенштадт приводит Японию как первую незападную страну, ставшую современной. Эйзенштадт признает, что причины модернизации Японии, возможно, были такими же, как и у западноевропейских предшественников, но утверждает, что картины современности получились разными. Современная Япония, по мнению Эйзенштадта, демонстрирует не только локальные вариации западной модели. Различия между японской и западной моделями модерна носят фундаментальный характер. Примерами служат, во-первых, социальные движения в Японии, которые являются не столь радикальными и протестными, как в западных странах, во-вторых, особенности политической системы Японии (невысокая значимость жестких принципов и идеологии, руководство прагматическими соображениями), а также относительная слабость государства по отношению к обществу.

По мнению Шмидта, эти японские черты не являются существенными, если их оценивать с позиции классической теории модернизации. Сторонники концепции множественных модернов фокусируют свое внимание преимущественно на политической системе и вопросах коллективной идентичности. Для теории модернизации фундаментальным основанием для отделения современных обществ от несовременных является принцип равенства всех членов общества.

Во всех развитых цивилизациях перед прорывом к современности нормой считался общественный порядок, разделяющий население на иерархические слои. Впоследствии этот порядок рушился, постепенно уступая место новому, в котором каждый член общества рассматривается как равный.

Для иерархических систем стратификации понятия равенства и гражданства являются чуждыми и бессмысленными. Основанием для неравенства могут выступать раса, пол, этничность. Современные социальные системы, конечно, не эгалитарны, но неравенство в них не носит столь категорический характер. В качестве примеров иерархических систем Шмидт приводит Индию (кастовая сис-

тема), Китай, страны Ближнего Востока и Северной Африки (гендерное неравенство).

Для Шмидта очевидно, что пока в стране доминирует иерархическая социальная стратификация, исключая доступ части населения к институтам и благам, говорить о модерне нельзя. Социальное неравенство подрывает нормальное функционирование современных институтов, превращая их в инструменты продвижения интересов элиты, например при устройстве на работу в государственные учреждения, при распределении государственных благ и услуг и т.д.

В четвертой части статьи Шмидт сравнивает два региона, наиболее далеко продвинувшиеся в сторону модерна, – Запад и часть Восточной Азии. На их примере он находит подтверждения своей гипотезе относительно конвергенции.

Шмидт отмечает, что Эйзенштадт не смог привести убедительных аргументов против теории модернизации в пользу концепции множественных модернов. Подобные аргументы необходимо искать в регионах, сходных в социально-экономическом отношении с Западом, но различных по культурно-цивилизационным корням. По признанию самого Эйзенштадта под этот критерий лучше всего подходят такие страны, как Япония, Южная Корея, Гонконг и Сингапур, являющиеся наиболее развитыми образцами так называемого восточноазиатского модерна.

Шмидт отмечает, что если бы эта группа стран демонстрировала некие характеристики, принципиально отличающие их от стран западного модерна, то действительно можно было бы говорить о существовании множественных модернов. Однако, по мнению Шмидта, в реальности страны Восточной Азии имеют много общего со странами западного модерна, а их различия не существенны для теории модернизации.

Модернизация в этих двух регионах (западном и восточноазиатском) не ограничивается отдельными секторами общества и не служит интересам определенных слоев населения, она была и продолжает оставаться всеохватным явлением, трансформирующим каждый аспект общественной организации и жизни всех членов общества. В этих странах происходят сопоставимые изменения в политике, праве, экономике, науке, медицине, образовании, социальном обеспечении. Эти изменения преследуют одинаковые цели,

запускают одинаковые институциональные программы и более или менее одинаково эффективны. Страны, о которых идет речь, проводят политику «общего роста» в интересах всех слоев общества, они сталкиваются с одинаковыми проблемами и более-менее одинаково на них реагируют. Демографические характеристики этих регионов (уровень урбанизации, возрастная структура, рождаемость, продолжительность жизни, уровень образования, состав рабочей силы и т.д.) варьируются в относительно небольших границах, типичных для развитых стран. Условия жизни, образ жизни, потребительские модели и даже системы ценностей также похожи.

Шмидт признает, между двумя регионами существуют различия. Но они не оказывают значимого влияния на деятельность государственных учреждений и частных организаций. Есть, конечно, различия и в политических системах, но в то же время государства обоих регионов преуспели в «хорошем управлении» и служении народу намного лучше, чем их эквиваленты в других странах мира. Правовая система в этих странах основана на европейском гражданском или всеобщем праве. Верховенство закона в этих двух регионах соблюдается более тщательно, чем где-либо еще.

Эти страны демонстрируют разные варианты капитализма с различной степенью вмешательства государства в экономику и различными образцами бизнес-культуры, но экономики этих двух регионов занимают лидирующие позиции по конкурентоспособности, производительности, эффективности и инновационности, оставляя далеко позади все остальные страны. Религиозные системы этих стран также различны. Но в обоих регионах все более распространенной становится эклектичная смесь местных и иностранных религий, ведущая к религиозному плюрализму.

Граждане этих стран проходят через одинаковые, более или менее стандартизированные биографические фазы, преследуют одинаковые цели, сталкиваются с одинаковыми трудностями. Одним словом, в этих двух регионах жизненный опыт типичных представителей среднего класса похож практически во всех отношениях.

Таким образом, Шмидт приходит к выводу, что у этих стран больше сходств, чем различий. Более того, фундаментальные различия существуют не между современными (развитыми) странами и регионами, а между современными и более отсталыми. Шмидт

задается вопросом: разве это не является доказательством неубедительности концепции множественных модернов?

Далее автор анализирует причину противостояния между двумя подходами – теориями модернизации и множественных модернов. Шмидт полагает, что концепция множественных модернов не предоставляет новые знания о современности и не расширяет аналитические горизонты. Вместо этого она создает путаницу, размывая понятие модерна, ссылаясь на разрозненные сведения о «разнообразии», существование которого никто не отрицает.

Шмидт еще раз отмечает, что ключевой вопрос противостояния теории модернизации и концепции множественных модернов заключается в том, какие различия считать значимыми. Это означает, что при сравнении двух подходов к модерну нельзя оперировать понятиями истинности и ложности той или иной теории, поскольку все зависит от вопросов и проблем, к которым обращаются данные теории.

Сторонники теории множественных модернов интересуются одними вопросами, сторонники теории модернизации – другими. Сторонники теории множественных модернов хотят знать, каким образом глубоко укоренившиеся культурные сценарии проявляются в коллективных идентичностях национального государства, каким образом они формируют восприятие проблем, влияют на построение и функционирование институтов и т.д. Они хотят заложить основы исторически ориентированной, контекстно-зависимой науки, которая может объяснить некоторые различия, привлекающие их внимание. Сторонники теории модернизации фокусируют свое внимание на том, что уникально для модерна в целом как социальной формации.

Следствием противостояния двух подходов является то, что их находки зачастую не имеют прямого отношения друг к другу. Они отвечают на различные исследовательские вопросы, выделяя разные грани реальности. В то же время и в той и в другой теории остаются белые пятна. Шмидт полагает, что теория модернизации и концепция множественных модернов могут дополнять друг друга.

Анохина Н.В., Гирко Л.В.